

«сообразил, чем больнее ударить его». В этом проявилась непочтительность и неблагодарность к взрослому человеку, давшему ему хлеб (нарушение мальчиком заповедей о любви и почитании).

На дерзость мальчика Егор отвечает смирением, он как будто соглашается и оправдывается: «И то... вы уж извините! Надо бы сперва в баню... Но я хлебца вам тёплого, из печи чтобы, хотел...»:

– принцип «смирennemудренного снисхождения», сопрягается с правилом «при любых обстоятельствах не терять благоразумия и самообладания»;

– методические приемы «снисходительность к слабым», «уклоняться от зла, творить благо», «не отвечать на грубость грубостью», «иметь долготерпение ко всем».

Особой глубиной и силой педагогичности поражает третья часть рассказа, названная нами «Покаяние и оправдание».

Грех ненависти помрачает ум и сознание мальчика: «...я не понимал, какой поступок совершил...».

Молчание бабушки и мамы после случившегося можно расценить, как педагогическое правило и одновременно методический приём «педагогической паузы», необходимой для внутреннего контрастного самоощущения ребёнка, совестливого и благоразумного самоанализа происшедшего. Переживание греховного проступка мальчика мамой и бабушкой усилило чувство его вины, он «пришёл в себя» после бесстыдного озлобления.

Лишь после еды мальчика, а не во время её, бабушка, а в поддержку её мама, начинают пристыжать его: «Это же надо – взрослому человеку... Стыд какой!» – бабушка; «Как стыдно!» – «мама, ... ломая пальцы»:

– принципы «своевременности», «нравственной сознательности», «ответственности», «требовательности к себе» и «единства педагогического влияния»;

– правила «не оставлять без наказания проступка», «не отчитывать во время еды»;

– методические приёмы «вовремя реагировать», «правильно по форме», «пробудить стыд и совесть» в ребёнке после его проступка, «побудить к осознанию греха, раскаянию и исправлению».

Бабушка первой показала образ покаяния: «Я плохая бабушка! Я не умею тебя воспитать!»:

– принципы личного примера и ответственности;

– правило «за проступок твоего ребёнка, спроси с себя»;

– методический приём «обличение другого через себя» – если менее виноватый в проступке другого винит себя, то явно провинившийся этим обличается, ярче пристыжается и осознаёт собственную вину с желанием загладить её.

Слова сокрушения бабушки достигли цели, ибо «это была самая страшная фраза» для мальчика, – «пытка», пробудившая в нём понимание содеянного проступка, вплоть до рыдания. Раскаяние мальчика: «Что же мне теперь делать?» – закричал я, захлёбываясь слезами», пробудило в нём желание загладить вину действием:

– принципы «личного примера», «душеспасительности», «ответственности»;

– правила «грех исправляется осознанием, покаянием и примирением»;

– методические приемы «исправлять сразу, не откладывая на потом», «доводить дело исправления до конца» – до примирения и прощения.

Желая укрепить внука в правде, бабушка пробуждает в нём ответственность за содеянное перед всем родом: «Ты же нас всех, всех, – и дедушку, и папу, и нас с мамой – на всю жизнь опозорил...»:

– принципы «нравственной сознательности» и «ответственности»;

– правило «мера строгости наказания соответствует мере проступка»;

– методические приемы «одних увещиваем, а других страхом спасайте», «обличайте же со страхом тех, в ком его нет, и тем спасайте» (см. Иуд. 1:23).

Затем бабушка проявляет необычайную твердость характера и решимость направить самого мальчика на исправления своего проступка: «Сам набедил – сам и поправляй», «... а что ты думал, когда обижал?», «и пусть тебя волки съедят», «пусть у меня лучше не будет внука, чем такой внук – свинья неблагодарная!». Здесь в явной форме проявились:

– принципы «ответственности» и «разумно-деятельной любви»;

– правило «любите с рассудительностью, а не слепо и безрассудно»,

– методический приём «нравственно-психологической встряски» забывшегося, неадекватно поступившего. В данном случае – «свинья неблагодарная», бабушкой преследуется желание не оскорбить и унизить человеческое достоинство, а осудить низость поступка мальчика, его неблагодарность к Егору, оказавшему такую заботу о них во время острой нужды.

Мама поддерживает бабушку и, несмотря на жалость к сыну, пристыжает его: «Он ведь хлеб! Он ведь хлеб тебе привёз...»

Благодаря педагогическому единству взрослых, мальчик, преодолевая страх, «спотыкаясь и поскуливая», «рыдая», выходит ночью к оврагу, исполненный решимости повиниться перед Егором, чувствуя невозможность возврата назад: «домой повернуть было невозможно. «Ты нас всех опозорил!» – звенело в голове...»:

– принципы «любви и почитания», «нравственной сознательности», «ответственности» и «единство педагогических влияний»;

– правило «сила воспитательного влияния в единстве» – единодушии во взглядах и действиях воспитателей на воспитуемых.

Несмотря на внутренние борения в душе мальчика: «И пусть! – шептал я. Пусть меня сейчас волк съест и не будет у них меня!», – всё же совесть возобладает в нём: «Вина-то моя не прощённая! И виноват я по уши!»:

– методические приёмы «участия, сопровождения и поддержки слабых и оступившихся» – «оступившемуся нужна помощь со стороны других»;

– «нравственная встряска и проработка», дабы пробудить необходимые для исправления чувства стыда, совести; осознание вины, нравственной ответственности за содеянное, с намерением и действием по исправлению.

Дойдя до дома Егора и обнаружив, что свет погашен, мальчик приходит в отчаяние от невозможности загладить свою вину, успокоить сердце покаянием: «И тогда я зарыдал в голос, потому что всё было напрасно: Егор спит, а завтра он уедет и никогда не простит меня!»

Егор обнаружил себя, он вышел из бани на встречу мальчику. И тому удалось повиниться: «сомлев от страха и стыда» он, «заикаясь, просипел: «Дядя Егор! Прости меня!». «За всю свою жизнь я не испытывал большего раскаяния,

чем в тот момент», – вспоминал в последствии мальчик; «навсегда осталось во мне чувство вины перед тем, кто дал мне хлеб...»:

– принцип «целостности», потрясающего урока, который запомнился ребёнку на всю жизнь.

Дядя Егор проявил к покаявшемуся мальчику снисходительную любовь, «всепрощение и примирение: «Божечка мой!.. Да зачоченел весь! Милушка моя!»:

– принципы «смирennemудренного снисхождения» и «разумно-деятельной любви»;

– правило «смиряться и скорей примиряйся»; «прощайте и прощены будете» (см. Лк. 6:37).

Удивительную педагогическую мудрость, дальновидность, твёрдость и настойчивость в исправлении мальчика и в наставлении мамы проявила бабушка: «Много лет спустя мама рассказала мне, как они с бабушкой, обливаясь слезами, шли за мной по пятам. Мама несколько раз порывалась подбежать ко мне: больно маленький я был и очень горько плакал, но бабушка останавливала её: «Терпи! Никак нельзя! Сейчас пожалеешь – потом не исправишь...»:

– принципы «целостности» и «душеспасительности»; в которых виден целожизненный, проекционно-упреждающий подход к воспитанию.

Несмотря на то, что принципы Богопочитания и церковности, не проявлены в рассказе, но они подспудно лежат в основе образа нравственно-педагогических действий дедушки и бабушки мальчика, а так же Егора, действующих в христианском духе.

Что ещё педагогически важного можно отметить в рассказе

Отсутствие мужской линии в воспитании мальчика хорошо компенсирует бабушка своей разумной твёрдостью, непримиримостью к дерзкому поступку мальчика. Вся святоотеческая традиция говорит нам о том, что ко греху мы должны быть непримиримыми: «грех изживается человеком при ненависти ко греху и к себе грешащему вплоть до отвращения». Здесь чувствуется её ответственность за поведение внука перед собственной совестью, перед семьёй, родом и Богом: «Ты нас всех опозорил...»

Проступок ребёнка осуждается не только словесно, но и делом (ибо морализации недостаточно, важнее педагогики слова педагогика дела), но и делом; не отлагая, доводится до конца – обличение провинившегося, признание им своей вины, поиск прощения и примирения его с Егором (правило «единства слова и дела» в воспитании).

Свойство детского самолюбия: до греховного проступка мальчик ведёт себя «как взрослый», но после осознания греха и вины перед другим, сразу становится малышом, неспособным пойти на примирение, находя отговорки и ссылаясь на страх темноты и волков.

